

Ассенизаторская машина «Пиво-Воды»

Теплые туалеты для пионерского лагеря были неосуществимой мечтой, передаваемой из поколения в поколение начальниками лагеря под одобрительные кивки и покашливание ответственных работников Института. Каждый год эта тема поднималась на высоких собраниях руководителей. Каждый раз очередной начальник лагеря размахивал заключениями санэпидстанций и многочисленных комиссий из района, города и даже ВЦСПС (профсоюзов). И каждое новое лето нас встречали вечно зеленые пахнущие хлоркой и карболкой «пионерские домики» со свежеевыкрашенными деревянными полами и намаляванными буквами «М» и «Ж».

Сколько можно вспомнить историй про эти легендарные строения, ставшие неотъемлемой частью образа пионерского лагеря

70-80 годов. Тут и хоровые песнопения в положении «сидя над бездной», и спасение деревянной скульптуры коня, похищенного из кружка «Умелые руки» при попытке утопить «улику» в «бездне мироздания», и героическое обрушение «берлинской стены» — стены между отделениями мальчиков и девочек при попытке обладания дыркой для визуального контроля посетителей. Только испытания «миномета», прострелившего навывлет три стены из трех возможных, чего стоят! Много чего было, но этот рассказ про иное.

Водитель Василий Иванович был человеком тихим, интеллигентным, не скандальным. Ниже среднего роста, с крупной головой и темными чуть на выкате глазами, он олицетворял собой любовь к детям в лице работника хоздвора, раздаривающего ее ежесекундно, положившего свой труд на служение детям. Его можно было бы назвать молодым, но следы постоянного недосыпа и дешевого питья на лице не позволяли определить его возраст более точно может 30, а может и под 50!

Вечно в синем комбинезоне и подеибельски загармоненных кирзовых сапогах, он работал в круглосуточном режиме, окучивая, казалось, все автомашины пионерского лагеря. И пусть его автопарк был не особо новым, но стиль «ретро» здесь был даже более гармоничен. Особенно выделялись две машины красный газик пожарной машины, со свистяще-хрипящим намеком на сирену, и автоцистерна ассенизаторской машины - серая, с вставленными по бокам гофраи соединительных шлангов.

Последняя была не только его любовью, но и кормилицей, поскольку хоть пионер и не скотина, но и его фекалии раскупали дачники для своих огородов. И поскольку Василий Иванович был человеком команды, то и доходами в виде «жидкого золота» выменянного на пионерский аромат, он охотно делился с коллегами по хоздвору.

Для пионеров строгим табу было заходить на хоздвор без вожатых, но получить конфеты на складе, белье или туристические принадлежности можно было только там, и голые пионерские коленки часто мелькали среди чинных белых халатов работни-

ков кухни и прачечной. Девственные носы подрастающего поколения, ограниченно распознающие запахи алкоголя, безошибочно распознавали источники запахов, но зачастую давали сбой в определении предмета анализа. Вариации с компонентной базой кустарного питейного продукта из деревни Хомяки с использованием куриного помета или ароматы польской яблочной водки, заполонившие на два сезона полки магазина в Дорохово, вводили экспертов в галстуках в ступор.

Василий Иванович мог позволить себе любой напиток, поскольку ароматы от его спецодежды, безусловно, доминировали в радиусе пяти метров, напоминая о нелегкой и ответственной работе ее хозяина. Работы в его жизни было много, поэтому чередование с отдыхом было хаотичным, выбивающимся из системы координат «день-ночь». Только запарковав автоцистерну, он прыгал в санитарку или пожарку, и летел, точно голубь сизокрылый то с продуктами к пионерам в поход на поляну, то за молоком в Можайск или Рузу. Урвав час другой, он мог упасть в общежитии на постель, накатив «с устатку», а потом, подергав «гусака за горло» на висевшем на дереве умывальнике, ополоснуть лицо и снова пылить по разбитой проселочной дороге в сторону Минки (трасса Москва-Минск). Будучи человеком контактным, он обладал немного сбивчивой речью, ограненной дефектами дикции и манерой проглатывать окончания, а работа с детьми приучила его воздерживаться от крепких ругательств, заменяя их на нейтральные: «ексель-моксель» или «елки-моталки».

Авиаракетный кружок пионерского лагеря Института, где была создана первая «Катюша», именно та, легендарная, наводившая ужас своим ракетным залпом, знакомым нам по кадрам военной хроники, не мог быть тривиальным сборищем моделлистов и им сочувствующих. Как и в королёвской «шарашке» здесь собрался коллектив единомышленников, объединенных одной мыслью: «Что бы отчубучить?»

Вектор приложения силы был неважен. Строить модели самолетов и ракет, запускать катапульты — это было «обязательной программой». Гнуть подсвечники для вечера поэзии, делать фей-

ерверки из магниевой стружки или готовить команду диверсантов для военной игры это входило в программу «произвольную» и составляло лишь тысячную часть того, на что эта банда была способна.

Как и положено, во главе ее стоял кружковод - милый молодой человек, без вредных привычек. Звали его Ляля. То есть не просто Ляля, а Ляля Черная! Не потому, что у него был черный глаз, а потому, что в одном из концертов вожатых ему предстояло сыграть роль цыганки, и он так вжился в роль, так талантливо исполнил цыганочку, что этого прозвища ему было просто не избежать. Фото в цыганском костюме с шалью на плечах и волосатыми ногами в женских панталонах обошло все стенные газеты и мирно упокоилось где-то в профсоюзном комитете Института. Его отличала редкая способность мгновенной реакции на любой кипиш, заваривающийся в пионерлагере. Будучи человеком незлобным, он обладал прекрасной физической подготовкой, практиковал САМБО, и нередко тыркая указательным пальцем, похожим на мускулистую сосиску в пропеллер кордовой модели, умудрялся гнуть шатун двигателя.

В мирской жизни звали его Сергей, и он любил почудить. Иногда его чудачества носили меркантильный характер, но чаще его притягивал процесс сам по себе. Для него было запростом, увидев в лесу убежавшего пуделя жены старшего вожатого, организовать его отлов, а потом за умеренное вознаграждение в «стойкой валюте» (чистым спиртом) вернуть его хозяевам, украсив торжественный миг воссоединения счастливой семьи красочной картиной ужасов и переживаний, выпавших на долю бедного животного. Не забывал он упомянуть и скромное мужество спасителя, его обаяние и благородство.

На пятый раз героический поступок как-то потерял в красках, история начала повторяться и защитнику животных рекомендовали переключиться на зооуголок, в котором индоутки и бройлеры с натрафареченными на крыльях знаком «Адидас» и порядковым номером являлись общественной собственностью и предназна-

лись для торжественного закрытия летней оздоровительной кампании.

Сергей был человеком увлекающимся, и это качество быстро передавалось другим. Его кружковцы не чурались вместо занятий сходить в лес за грибами, а потом вдыхать запах сушеных грибов, струящийся из-за фанерной перегородки, за которой стоял желтый обогреватель, над которым на сеточках и проволочках благоухали трофеи грибной охоты. Мзду за работу сушильного аппарата он брал божескую, но к концу второй смены количество сушеных грибов измерялось заполненной наволочкой. Пацаны в кружке его обожали, и готовы были с ним хоть в пасть к Кракену! И вот однажды в пахнувший авиационным клеем кружок Ляля вошел с рулонами ватманской бумаги.

— Возьми краску и поролон — бросил он небрежно, удалившись на мгновение за фанерную дверь своей каморки. Отсвечивая желтыми шортами, он появился в рабочей футболке и показал жестом, чтобы двое кружковцев следовали за ним.

Дворец технического творчества (ДТТ) находился у самой границы лагеря у ворот на хоздвор, за которыми мирно стояла заполненная по горлышко ассенизаторная машина. И без объяснений было видно, что цистерна не отличалась особой чистотой в силу своего назначения. Да и мыли ее в последний раз дня два тому назад.

— Пацаны! Тащите воду! — деловито отдал распоряжение Ляля, и с ближайшего пожарного щита тут же раскатали пожарный шланг. Красные кулечки пожарных ведер стали наполняться бурлящей струей холодной артезианской воды.

Вопросов ни кто не задавал, но мыть машину «золотарика» по своей воле было как-то неловко. Однако все молча сопели и выполняли заданный урок. Жаркое июльское солнце доделывало нашу работу, мгновенно осушая вымытый серый металл цистерны, и через 10 минут на авто сияли даже государственные номера и стойки зеркал заднего вида.

Шмыгая носом и подергивая подбородком как штабс-капитан Овечкин в «Неуловимых мстителях», Ляля залез на бочку и развернул ватман.

Изумление и восторг одновременно заполнили нашу грудь, оставляя возможность для единственного выдоха.

— Ну, Ляля, ты даешь!

Шикарный рак.... Нет — Омар. Нет — ЛОБСТЕР! — раскинув клешни держал в них пивную кружку с убегающим через край напитком.

«ПИВО-ВОДЫ» гласила надпись, разбежавшаяся в разные стороны от высокохудожественной композиции, которую нам предстояло воссоздать в цвете.

Согласовав цвета, мы дружно застучали губкой, набивая трафарет. Через двадцать минут шедевр был готов!

— Убираемся и валим! — исчерпывающе скомандовал Ляля, и следы творившегося здесь бардака были быстро смотаны, повешены, убраны и замечены под автомобиль.

— Отмыть руки растворителем и в отряд! — соревнуясь с самим собой в краткости, поставил он точку и, закрыв кружок, растворился на территории лагеря.

Разбуженный после сна с лицом марсианина с вытаращенными на мир глазами Василий Иванович на автомате стал собираться в дорогу. Очередное поручение начальника гнало его в Дорохово. Вроде и езды-то на полчаса, но сон испорчен безвозвратно. Засупонивая комбинезон, Василий Иванович нехотя брел к своей кормилице, отряхивая остатки сна и прикидывая, завезти удобрения к дачникам в Дорохово или апростать цистерну на поле за лагерем. Мысли эти показались ему чересчур длинными, он просто залез в машину и завел мотор. Держа фасон, машина почихала для порядка, но затем звук выровнялся, и старенький газон не топясь выехал за ворота лагеря.

Дорога в Дорохово была недлинной. Километра три с половиной до минской трассы по раздолбанной гравийной дороге, которую каждые три-четыре года засыпают новым гравием, но он как-то растворяется за сезон, и водителям приходится каждый раз

вспоминать «дорогу жизни», распаханную воронками от взрывов и провалами в мутную жижу многочисленных луж. Все было как обычно и то же подсакивание на водителском сиденье, и те же скрипы и скрежеты старенькой машины. Но что-то было не так - это он явно почувствовал, когда посмотрел в зеркало заднего вида оно было чистым. Привычные тени на дороге почти не отвлекали, хотя и разбегались как стадо зебр по саванне. Нет, тут было что-то другое, но что? Проехал п/л «Дружба», вот и Минка.

— Ладно — решил Василий Иванович, — Додумаю после, начинается движение.

Пропустив пару-тройку машин слева, он газанул что есть мочи и, проскочив три ряда движения машин, резко ушел налево, прибавляя скорости и перестраиваясь в правый ряд.

Дорохово было не за горами. Всего-то поворот с Минки, круговое движение, переезд и еще километр после поворота. Центральная площадь! Тут есть все — ж/д вокзал, почта-телеграф, администрация, пивняк и магазин с напитками «Смерть индейцам!»

Автопилот в голове водилы выстраивал маршрут: проехать круговое движение и перед переездом свернуть на дачные участки; разгрузиться и обналечить товар; на станцию забрать почту и помянуть дензнаки на «звнящее золото» польского разлива; домой!

В это время автомобиль выезжал на круговое движение. «Но все таки, что же не так?» - пронеслось в голове и засело пронзительной трелью милицейского свистка.

— Этих мне только не хватало, ексель моксель! — сворачивая на обочину к посту ДПС, подумал он, глуша двигатель и вытаскивая папку с документами для проверки.

Пост ДПС Дорохово стоял на пересечении всех главных дорог. С одной стороны дорога шла от Минской трассы на Рузу. С другой стороны перпендикулярно ей шло Можайское шоссе. Разнообразило простоту перекрестка круговое движение, позволявшее внимательнее рассмотреть автомашины, снижавшие скорость. На посту все друг друга знали — еще бы, столько лет одни проявля-

ли бдительность и заботу — проверяли документы. А другие проявляли уважение и внимание, расставаясь с кровными рублями и трешками. Мир да согласие залюбуешься!

— Василь Иванович! Поздравляем с повышением! Машина новая? Чего это у тебя там? — приветствовал знакомый лейтенант, направляясь навстречу водителю, суетливо протягивающему документы.

— Да ладно ты с бумажками-то! Налей-ка лучше нам свеженького! Сержант, тащи ведра! — крикнул он напарнику в будке. Немедленно послышался грохот цинкового металла, и перед машиной вырос здоровенный детина в форме. В его руках с кулаками как пивные кружки новые ведра отражали радугу полуденного солнца и резали своим светом Василия Ивановича по глазам.

— Чего это? Ексель моксель! Документы вот! — пытаюсь справиться с речью, сбивчиво начал, было, водитель. И видя, как продолжая улыбаться, на него надвигаются два инспектора с ведрами, он продолжил.

— Фекалии мы возим. Да! Елки-моталки! Говно, то есть.

Улыбка лейтенанта стала еще шире и, подмигивая напарнику, он кивком указал на бочку, одновременно показывая, что не все инспектора ДПС дебилы есть и понимающие шутки юмора!

— Вот ты нам этого «говна» и налей-ка! — добавил он тоном, исключаяющим дискуссию. Новые блестящие цинковые ведра, поймавшие искрящиеся лучи солнца, и расплескивающие их как зеркальный шар в дискотеке были торжественно установлены под сливное отверстие.

По спине Василия Ивановича предательски пробежал холодок, пересчитав каждый позвонок и застыв сосулькой в районе копчика. На отмытой со стиральным порошком бочке красовался рак, нет — омар, нет — лобстер с пивной кружкой в клешнях и убегающей пеной. Надпись: «Пиво-Воды» — отпечаталась как слова приговора: «Казнить, нельзя помиловать!» Лицо мгновенно обдало жаром и капли холодного пота потекли со лба по вискам, вдоль носа и осели солоноватым вкусом на языке и губах. Теперь

стало понятно, что было не так, но пути назад не было. Он подошел и открыл вентиль до отказа!

Старожилы лагеря рассказывали, что водительских прав, в которых было бы столько дырок, они в жизни не видели. Документы на машину изъяли и не возвращали три года даже в обмен на полную цистерну спирта. Василия Ивановича сначала отправили в Москву, но что там делать водителю без прав? И его вернули обратно. Он продолжал выполнять свою нужную для всех работу, только теперь дальше минской трассы не совался, осваивая перспективный рынок дачников в деревне Хомяки.

Стереть нитрокраску с бочки растворителем оказалось нереально. Провозившись с ней неделю, Василий Иванович плюнул на эту затею, и, выезжая на своей кормилице на хоздвор, бойко кричал поварам с кухни:

— Ну, кому пиво-воды, ексель-моксель, свеженького!

Разговор руководителя авиаракетного кружка с начальником лагеря не заладился с самого начала. Это была игра в одни ворота, то есть воротами был кружковод, куда начальник без устали загонял мячи, шары и плюхи, подбадривая себя на излюбленном в народе наречии доставшимся от матери.

Острое пионерское ухо из-за окна не могло уловить красоту всех обертонов речи начальника, но когда паровозный гудок перешел в харкающее хрюканье и окончательно спекся, отчетливо прозвучал единственный вопрос, произнесенный Лялей Черной.

— Анатолий Георгиевич, а как же почудить?

— Почудить это святое! — откликнулся устало начальник - Иди уже отсюда, чудило!

Когда на пороге дома начальника лагеря появился кружковод в своих желтых шортах, из-за забора у столовой на него смотрело четыре пары ребячьих глаз. А как же иначе, ведь это авиамоделисты, шарашка, а проще банда!